

Она — его непокорная
пленница. Он — ее самый
опасный кошмар...
и безумная страсть.

ТВОЯ НЕПОКОРНАЯ ПЛЕННИЦА

Кэтрин Хорд

Кэтрин Форг

ТВОЯ
НЕПОКОРНАЯ
ПЛЕННИЦА

ГЛАВА 1

СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ льется сквозь витражи. Преломляясь, рассыпается по старинной церкви разноцветными солнечными зайчиками. Улыбки сияют на лицах гостей. Они тихо переговариваются, то и дело поглядывая на двери, из которых вот-вот должна выйти прекрасная невеста. Прекрасная и лживая насквозь! Я громко скриплю от досады зубами, и старушка рядом испуганно косится в мою сторону. Ну почему, почему я должна сидеть здесь и улыбаться, когда мне хочется что-нибудь разбить? Причем желательно о кое-чью голову. Непрошенные слезы обжигают глаза. Я сердито тру их пальцами, надеясь, что пометка «водостойкая» на туши была не пустым обещанием. Мне нельзя выглядеть плохо. И плакать тоже нельзя. Только не перед ним... Только не перед Кириллом, который стоит сейчас у алтаря! И ждет другую.

На его лице тоже играет улыбка — немного рассеянная, словно он сам не знает, чему улыбается. Ямочки на щеках придают его мужественному лицу какое-то особое обаяние. Вцепившись в волосы, я издаю отчаянный стон, и старушка рядом в панике начинает шептать молитву. Нет уж, дорогуша, этого «демона» из меня так просто не изгнать! Я отворачиваюсь к окну, чтобы успокоиться, и утыкаюсь носом в нелепый бант на плече. Худшее платье и придумать трудно! Нелепый фасон с завышенной талией и пышной фатиновой юбкой так уродует фигуру, что я похожа на стопку мятых бумажных салфеток. А из-за банта кажется,

что одна половина тела у меня выше другой. Ни за что бы не надела такое убожество, тем более на свадьбу Кирилла. Но Карина, моя сводная сестра, настояла на том, что все подружки невесты должны быть одеты одинаково. А в день свадьбы слово невесты — закон.

Кирилл вдруг смеется в ответ на шутку шафера и тут же неловко закашливается, пытаясь скрыть смех. Поздно. Эхо разносит его смешинки по церковному залу — вплоть до самого купола, украшенного старинными фресками, — и я негромко хмыкаю. Только Карина могла выбрать такие помпезные декорации для церемонии: сплошь золото, белый мрамор и гигантские охапки лилий, которые одуряюще пахнут и вдобавок похожи на траурные венки. Уверена, Кирилл, как и я, предпочел бы скромную церемонию где-нибудь вдали от суеты. Тайнство для двоих, а не эту глупую... показуху. Тем более они с Кариной уже расписались в московском загсе, а эта церемония в старинной английской церкви Дартмута предназначена исключительно для того, чтобы потешить самолюбие моей сводной сестры, помешанной на сериале «Бриджертоны».

Я снова обвожу взглядом роскошное убранство и невольно задаюсь вопросом, откуда у них на все это деньги. Отец Карины, конечно, состоятельный, но даже он никогда не был настолько богатым, а уж родители Кирилла и подавно. Однако гостям оплатили и перелет, и шикарную гостиницу, и банкет, который ждет нас после церемонии. Может, Кирилл получил неожиданное наследство от какой-нибудь таинственной троюродной тетушки-миллионерши? Я невольно улыбаюсь. Пф-ф-ф, будь это правдой, я бы точно знала, ведь Кирилл рассказывает мне абсолютно все!

Точнее, рассказывал... До того, как они с Кариной внезапно объявили об этой своей нелепой помолвке. Смешно... Выходит, мне он доверял свои сокровенные тайны — например, о том, как часто чувствует себя чужим в своей семье и как мечтает снова рисовать, — а женится на ней.

Я вздрагиваю, когда торжественные звуки свадебного марша наполняют церковь. Высокие резные двери распахиваются, и гости вскакивают со своих мест, стремясь рассмотреть невесту. Одна только я не свожу глаз с Кирилла. Сердце пронзает острая боль. Если бы только на меня он смотрел с такой любовью и гордостью!

Карина проплывает мимо. Точнее, с усилием протискивается, потому что ее многоярусная юбка с длинным шлейфом все время застревает в узком церковном проходе между скамейками. Кислое выражение на лице сестры заставляет меня тихонько хихикнуть. Знаю-знаю, я просто чудовище! Но мы с Кариной никогда не ладили. Наши родители сошлись, когда мне было девять, а ей одиннадцать, и новая «сестренка» сделала все, чтобы превратить мою и мамину жизни в ад. Мама плакала почти каждый вечер и винила себя в том, что не может найти подход к падчерице. Отчим пытался помочь, но в конце концов просто сдался и отправил Карину к бывшей жене, которая в то время работала в Японии. Уезжая, Карина прошипела, что будет вечно ненавидеть меня за то, что моя мать увела ее отца из семьи, хотя к тому моменту ее родители уже больше года не жили вместе. После мы не общались почти десять лет, и, должна признать, я практически не вспоминала о ней. А год назад она внезапно оказалась на пороге моей квартиры с чемоданом и

бросилась мне в объятия с воплем: «Привет, сестренка!» Это было... до ужаса неловко. Я бы ни за что не стала общаться с ней, если бы не мама. Все эти годы ее продолжало мучить чувство вины из-за отъезда Карины, так что я согласилась. Разрешила ей пожить у меня, хотя соседка из нее просто чудовищная, познакомилась с друзьями... И вот к чему это привело!

Карина снова застревает в проходе, и я упиваюсь своим маленьким триумфом, однако стоит Кириллу взять ее за руку, как хихиканье превращается в невразумительное бульканье. Старушка рядом осеняет меня крестным знамением, а я злобно шиплю на нее, прищурив слезящиеся глаза. Неужели она не видит, как мне плохо? Как я разбита, разгневана и ранена в самое сердце? Потому что какая разница, что юбка Карины по-дурацки застревает в проходе, если Кирилл все равно достается ей?! И вот-вот наденет ей на палец кольцо. То самое!

Нет, я не собираюсь на это смотреть. Слишком часто я представляла себе этот день в мечтах... Вот только с собой в роли невесты! Я тихо поднимаюсь со своего места и выскальзываю из церкви, с трудом подавив желание оглушительно хлопнуть дверью напоследок. Ну или хотя бы показать Кириллу средний палец.

Церковный сад выглядит как обложка туристического буклета. На клумбах буйно цветут маки и душистый горошек, голубые гроздья глицинии слегка покачиваются на ветру, а плетистая роза густо увивает каменную стену ограды. Я немедленно принимаюсь сердито обрывать бутоны. Если постараться, можно представить, что это Каринкины волосы и... Ай! Сморщившись от боли, я отдергиваю руку. Шипы! На

указательном пальце выступает капелька крови. Я немедленно сую его в рот, и этот дурацкий детский жест как будто что-то ломает внутри. Я хлюпаю носом раз, другой... И, упав на старинную лавочку, реву в голос. Это несправедливо. Несправедливо! Несправедливо! Ведь это я познакомилась с Кириллом первой. Я первой в него влюбилась! А после имела глупость познакомиться с сестрой. Дура!

В кустах справа вдруг раздается громкий шорох. Затем шепот, хихиканье, звуки страстных поцелуев... И из зеленого укрытия выскакивает ошалевшая парочка. Худощавого парня в очках я вижу впервые, а вот его спутницу знаю уже много лет. Ульяну трудно с кем-то спутать. Золотисто-рыжие волосы, огромные широко распахнутые глаза, нежные щечки с веснушками. Не-высокая и пухленькая, она даже у меня вызывает неконтролируемое желание все время ее обнимать! Что уж говорить о мужчинах. Очкастый, заметив меня, застывает, как олень в свете фар, и испуганно косится на Ульяну, которая сражается с кустом. Дурацкий бант и ей доставил неприятности, намертво застряв в шипастых ветках.

— Да чтоб тебя... — Витиевато выругавшись, Ульяна с отвращением отдирает злополучный бант от платья и поворачивается к спутнику. — Олежек, котик, найди нам другие кустики, ладно? А то эти мне всю задницу искололи.

Олежек мявкает что-то невразумительное. Проследив за его взглядом, Ульяна наконец тоже замечает меня. Томное выражение на ее круглом лице мгновенно сменяется озабоченным, а нотки в голосе из воркующих превращаются в командные. Вот честно, ей только армию возглавлять!

— Олежек, котик, скройся, — безапелляционно заявляет Ульяна, небрежно махнув рукой.

Олежек-котик пару мгновений неловко топчется на месте, поправляет очки и наконец потерянно бредет в сторону церкви. Ульяна садится на лавочку рядом и крепко стискивает мои пальцы:

— Он просто идиот.

Конечно, она в курсе моих страданий. Но я все равно упрямо вздергиваю опухший нос и гнусавлю:

— Не понимаю, о чем ты. У меня просто аллергия на лилии.

— На стервозных сестер у тебя аллергия, — ворчит Ульяна, и я улыбаюсь подруге сквозь слезы. Что бы ни случилось, она всегда на моей стороне!

Мы познакомились шесть лет назад в питерском институте имени Репина. Она уже тогда была до ужаса громкой и настырной! Преподаватели пытались заставить ее рисовать натюрморты и гипсовые бюсты, но Ульяна упрямо твердила, что настоящее искусство — это... мужские задницы! Неудивительно, что она продержалась в институте всего два семестра, и даже папины деньги (а их, к слову, было много) не помогли. К счастью, этого времени нам с лихвой хватило, чтобы стать лучшими подругами. Мы вместе снимали квартиру до самого моего выпуска. Ульяна периодически перебиралась жить то к Олежеку-котику, то к Славику-зайчику. Но всегда возвращалась в наше «гнездышко» и с наслаждением сменяла шелковые пеньюары на уютную пижамку, а каблуки — на огромные тапочки с щенячьими мордами. Кстати, Ульяна по-прежнему рисует те самые задницы, за которые ее когда-то с позором выгнали с учебы. Только теперь — за бешеные деньги. Среди артистов и прочих божественных личностей

считается особым шиком повесить в гостиной изображение своей филейной части в рамочке с размашистой подписью «Ваша Уля-Ля!»! Что до меня, то я тружусь в Эрмитаже реставратором. В один из рабочих дней, которые я проводила, склонившись над полотнами, Кирилл и огорошил меня новостью о своей женитьбе...

В носу противно щиплет. Я прерывисто вздыхаю, и Ульяна кладет голову мне на плечо, крепко обнимая обеими руками.

— Мне так жаль, — тихо шепчет она. — Поверить не могу, что он выбрал ее.

В груди разрастается огромная черная дыра, которая высасывает из меня счастье, радость, энергию... Из церкви доносятся звон колоколов и аплодисменты, а значит, прямо сейчас Кирилл целует счастливую Карину в губы. Их жизнь начинается, а моя... Я крепко зажмуриваюсь. От моей остались одни осколки.

— У этого твоего Кирилла в голове одни опилки, — ворчит Ульяна, с тревогой оглядывая мою сжавшуюся фигурку. — Вот почему они так идеально друг другу подходят! А Каринка твоя просто мегера. Она же знала, как ты к нему относишься!

Я устало пожимаю плечами. Я не скрывала от Карины, что влюблена в Кирилла, но даже думать не хочу о том, что она обратила на него внимание только из-за этого. Прилетев из Японии, она вела себя как образцовая сестра: постоянно звала меня вместе походить по магазинам, расспрашивала о работе и личной жизни, подчеркнуто вежливо вела себя с мамой... Казалось, она в самом деле изменилась! И все же умудрилась снова отнять у меня самое ценное. На глаза снова наворачиваются слезы, но больше я не пытаюсь их сдержать. Отчаянно всхлипнув, утыкаюсь Ульяне в

плечо (слава богу, на нем больше нет банта!) и рыдаю, позволяя подруге обнимать меня и гладить по темным волосам. От прически давно ничего не осталось. Да и кому какое дело, как я выгляжу?

Дав мне немного погоревать, Ульяна решительно берет меня за плечи:

— Так, Сазонова, посмотри на меня.

Я поднимаю на нее заплаканное лицо. Слезы почти закончились, оставив в душе пустоту, а в голове — странный туман. Будто в черепную коробку напихали стекловаты.

— Не могу смотреть, как ты убиваешься из-за них. Они не стоят ни одной твоей слезинки! Ты поняла меня?

Я безжизненно киваю.

— Ты в сто, нет, в тысячу раз лучше этой Карины.

Я вяло пожимаю плечами.

— И еще мы с тобой летим в Италию!

Я собираюсь снова кивнуть, но вовремя замираю, уставившись на Ульяну с открытым ртом. Какая еще Италия? Ульяна возбужденно вскакивает и принимается расхаживать передо мной, размахивая руками. Она всегда так делает, когда новая идея захватывает ее с головой.

— Только представь: ты, я и банковская карточка моего отца. Идеальный тройничок! Ты же почти безупречно говоришь на итальянском, так что нам мешает? Поедем сначала в Милан. Потом в Венецию. Во Флоренцию! И... И... И вообще куда захотим. Будем рисовать итальянские задницы, истреблять кьянти в промышленных масштабах и есть столько пиццы, сколько захотим. К черту фигуру!

— И никаких мужчин? — с робкой надеждой спрашиваю я.

Ульяна насмешливо наставляет на меня палец:

— Ха! Я не дам тебе чахнуть по этому козлу. Мы будем флиртовать направо и налево. И постить в соцсетях фотки с мускулистыми красавцами. Причем каждый день — с новыми! Чтобы Карина от зависти покрылась нервными прыщами, а этот твой Кирилл искусал себе все локти.

В груди снова неприятно сжимается. Если бы только он и правда был «моим Кириллом»...

— Отставить упаднические мысли! — насаждает Ульяна. — Соглашайся, и все. Давай! Мы сто лет никуда не выбирались вместе.

Хм... Предложение и правда заманчивое. На работе можно взять отпуск, рыбок покормит соседка... Пожалуй, меня останавливает только одно... Я рассеянню тянусь к розовому бутону, который почти касается моего плеча, и принимаюсь нервно обрывать лепестки.

— Не уверена, что это хорошая идея. Просто... — Я набираюсь храбрости и наконец выпаливаю: — Просто в Италии мы и познакомились с Кириллом.

Я тогда проходила университетскую практику на Сицилии. И в один из немногочисленных выходных отправилась на пляж. Солнце пригревало, ветер приятно обдувал разгоряченную кожу... Я устроилась прямо на песке с блокнотом, чтобы нарисовать женщину с ребенком, которые играли неподалеку. А Кирилл, как оказалось, рисовал в это время меня. Я даже не замечала его, пока внезапный порыв ветра не сорвал с моей головы шляпу и не унес ее в море. Кирилл тут же бросился за ней и не задумываясь прыгнул в воду. Вот только плавать он, как оказалось, не умел! Так что пришлось мне спасать и его, и шляпу. Сначала я, само собой, наорала на него. Но он в ответ

на мою гневную тираду только улыбнулся и протянул мне испорченный головной убор, с которого капала вода. Мы встретились глазами и... упали на песок, сгибаясь от хохота. Следующие два месяца мы не расставались. Говорили обо всем на свете, доверяли друг другу тайны, мечты... Мне казалось, что между нами рождается что-то особенное, но я все ждала, когда он сделает первый шаг. А потом пришло время возвращаться в промозглый Питер...

В нашу последнюю совместную ночь я напилась вурьзг и все-таки осмелилась поцеловать его! Но Кирилл мягко отстранился, а утром сделал вид, что между нами ничего не было. Время в самолете я провела, рыдая от жалости к себе. Я была уверена, что мы никогда больше не увидимся! Однако через несколько недель Кирилл вдруг оказался на пороге моей квартиры.

С тех пор мы виделись минимум пять-шесть раз в год. Он путешествовал по миру, работая дизайнером удаленно, но всегда находил время и возможность примчаться ко мне. Пусть даже с другого края земли! Кажется, со мной он виделся даже чаще, чем с родителями, о которых всегда говорил неохотно. Его мама в молодости была моделью и часто работала в Италии, а отчим управляет небольшим бизнесом. Своего настоящего отца Кирилл никогда не видел, хотя и пытался всеми правдами и неправдами выяснить у мамы, кто он. Понятия не имею, почему она до сих пор отказывается о нем говорить. В конце концов, Кирилл уже большой мальчик, и вряд ли правда такая уж страшная. Курортный роман? Мимолетная интрижка?

Именно в поисках отца Кирилл и приехал в Италию в первый раз. Отыскал среди маминих документов какие-то чеки и записку с адресом в Милане, но

тот оказался пустышкой. На этом месте был то ли отель, то ли ресторан, который снесли еще до рождения Кирилла. По словам выпивохи, опивавшегося в соседнем баре, во всем были виноваты мафиози и их кровавые разборки. Однако я не удивляюсь, если он это выдумал ради лишнего стаканчика, обещанного Кириллом в обмен на информацию. Мафия? Разборки? Звучит как сюжет какого-то фильма! Как бы то ни было, это я утешала Кирилла, когда оказалось, что последняя ниточка, связывавшая его с отцом, оборвалась. Я была рядом и поддерживала, уговаривая не сдаваться и продолжить поиски! Некоторое время мы и правда пытались что-то разузнать, но, познакомившись с Кариной, Кирилл вдруг резко передумал и всерьез поругался со мной, когда узнал, что я не прекратила наше расследование и веду его в одиночку. Сказал, что с него хватит. Что хочет оставить прошлое в прошлом и начать новую жизнь. А потом и вовсе осел в Питере и сменил шорты и майку на унылый офисный костюм, потому что Карина хотела, чтобы он всегда был рядом... Стал как будто другим человеком! Интересно, сделал бы он что-то такое ради меня?

Заметив, что на моем лице снова появляется унылое выражение, Ульяна нетерпеливо щелкает пальцами и возвращает меня в реальность:

— Тогда нам тем более надо поехать в Италию. Тебе нужно переписать свои воспоминания! И хватит уже сохнуть по этому придурку с отстойной прической. Честно, челка в стиле Джастина Бибера была модной, когда я училась в первом классе.

Я невольно смеюсь и все-таки качаю головой. Положа руку на сердце, я просто не готова уехать от Кирилла... Даже сейчас, когда он почти женат на моей

сестре, я все еще чувствую острую потребность видаться с ним. Пусть даже просто как друзья.

Мы молчим. Ульяна морщится от досады и вдруг, громко взвизгнув, подпрыгивает. Из-за ее плеча, шевеля растопыренными для щекотки пальцами, выглядывает Кирилл, и подруга немедленно отвешивает ему звонкий подзатыльник.

— Прости-прости. — Он покаянно складывает ладони вместе. — Просто вы так увлеченно о чем-то говорили, что я не удержался.

Кирилл подмигивает мне, и мое сердце тут же рвется к нему, грозя выскочить из грудной клетки. Какой же он красивый! Веселый, искренний и... не мой.

— О чем болтаете?

Кирилл приобнимает Ульяну за плечи, а я вздергиваю подбородок и одариваю его ослепительной (я надеюсь) улыбкой.

— О твоём ужасном костюме. Ты в нем похож на пингвина. Или официанта. Точно, на пингвина-официанта!

Кирилл беззлобно смеется и, прищурившись, шутиливо грозит мне пальцем:

— Боже, какой острый язычок! Будь осторожна, как бы кто-то не решил использовать его по назначению.

— Это по какому же? — бурчу я.

Кирилл отпускает Ульяну и, схватив меня за плечи, вдруг резко наклоняется к моему лицу. Я подпрыгиваю от неожиданности, издав какой-то тихий писк. Его сияющие серые глаза замирают прямо перед моими глазами! А губы... губы звонко чмокают меня в нос.

— Боюсь, ты до такого еще не доросла, — с лукавой улыбкой дразнит Кирилл.

Я с возмущением отталкиваю его от себя. Дурак!

— Точно. Шесть лет — огромная разница. Да ты просто древность. Песок еще не сыплется?

— Язва, — снова улыбается Кирилл. — Но двадцать три и двадцать девять — это и правда большая разница. Поймешь, когда вырастешь.

Я демонстративно закрываю глаза, а Кирилл поворачивается к Ульяне:

— Кстати, кажется, твоя мать тебя искала. Что-то насчет мест в лимузине.

Ульяна подсакивает. В ее глазах плещутся такие ужас и паника, что я приподнимаюсь в тревоге.

— Вот черт, если не поспешу занять место рядом с водителем, придется ехать с тетей Мартой и ее собачкой. А я даже не знаю, от кого из них пахнет хуже! — Ульяна бросается к церкви, и до меня доносится ее вопль. — Сазонова, мы с тобой еще не закончили. Ты от меня не отделаешься!

Насмешливо качая головой, Кирилл провожает ее взглядом и садится рядом со мной. Громко зевнув, он сладко потягивается и закидывает руку на спинку лавочки за моей спиной. Его пальцы сжимают мое плечо.

— Что за козни вы тут строили, маленькие ведьмочки?

Я молчу, потому что горло стискивает спазмом. Воздух напоен дурманящим ароматом роз. Неужели только мне кажется, что он окутывает нас, словно притягивая друг к другу?.. Сердце привычно ноет. На глазах вдруг снова закипают слезы, и я поспешно отворачиваюсь, делая вид, что рассматриваю цветы. На самом деле бутоны расплываются передо мной, превращаясь в смазанное бледно-розовое пятно.

